

10. Стефанов, Ю.Н. Рене Генон и философия традиционализма [Текст] / Ю.Н. Стефанов // Вопросы философии. – 1991. – № 4. – С. 31–37.

С.Б. Лугвин

Гомельский государственный технический университет
им. П.О. Сухого, Республика Беларусь

**ТРАДИЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО И ПАТРИМОНИАЛЬНАЯ БЮРОКРАТИЯ
В ЕВРОПЕЙСКОМ КОНТЕКСТЕ**

Характерной особенностью доиндустриального общества является циклический характер развития, означающий воспроизводство на каждом новом витке истории одних и тех же социальных порядков и институтов. В литературе его принято именовать «традиционным обществом». Организация власти, семьи, трудового процесса, формы общения между людьми здесь носили статичный характер и не были подвержены сколь-либо существенным переменам. На всех уровнях социальной организации господствовали консерватизм и рутинность. Подобный характер социальных взаимодействий определялся особенностями земледельческого труда, который требовал от человека умения включаться в ритмическую последовательность сезонных изменений: прибывающей и убывающей влаги, плодоносящей и отдыхающей земли. Ритм труда был подчинен времени года, времени суток и природным условиям. В сознании людей укоренилось чувство зависимости от извечного природного и социального порядка, который воспринимался как акт божественного творения. Отсюда их верность сакрализованной традиции, пронизывающей и определяющей как жизнь всего общества, так и жизнь каждого отдельного человека. Окружающий мир считался относительно простым и неизменным. В своих основных проявлениях он казался вполне доступным охвату обыденным сознанием и проверке жизненным опытом. А то, что в нем было непонятно, связывалось с деятельностью взвездных сил. При этом считалось, что имеющихся знаний вполне достаточно, чтобы поддерживать установленный свыше порядок и организовывать повседневную деятельность людей, еще достаточно примитивную и рутинную.

Труд людей в традиционном обществе не носил абстрактного характера; он состоял не в производстве каких угодно товаров, находящихся

спрос на рынке, а был нацелен на конкретный спрос со стороны конкретных лиц. Подавляющее большинство населения было занято в сельском хозяйстве, что позволяет именовать доиндустриальное общество аграрным обществом. Немногочисленный ассортимент промышленных товаров изготавливался либо на сельскохозяйственных предприятиях, либо в кустарно-ремесленных мастерских. Производство носило универсальный характер, при котором одна хозяйственная ячейка воспроизводила весь комплекс необходимых для жизни людей материальных благ. В подобных условиях специализация труда была крайне неразвита, безраздельно господствовало натуральное хозяйство, городское население составляло лишь незначительную часть сельского. Товарные отношения находились в зачаточном состоянии и были тесно связаны с обеспечением потребностей немногочисленного слоя правящей элиты. Мотивация человеческого труда определялась стремлением работника обеспечить своё физическое выживание, а также выживание тех лиц, которые были не способны позаботиться о себе сами.

В сфере материального производства применялась почти исключительно мускульная сила человека. Везде и всюду господствовали ручные орудия, использование которых целиком зависело от физической силы, выносливости, умения и сноровки каждого отдельного человека. В количественном и качественном отношении приёмы труда, как отмечал немецкий экономист В. Зомбарт, никогда не выходили за пределы тесной сферы индивидуально-органических возможностей человека [1, с. 146]. Тесная связь производства с конкретной личностью работника обуславливала отсутствие социально значимой системы передачи технических навыков, которые приобретались чисто эмпирическим путем. Только то, что ученик сумел подглядеть и подслушать у мастера, переживало последнего и закреплялось в новой личности, чтобы в дальнейшем снова подвергнуться опасности быть навсегда утраченным. Тем самым производственный процесс был практически неотделим от субъективных возможностей каждого отдельного работника. «Если рабочий и приспособляется здесь к процессу, – писал К. Маркс, – то и процесс, в свою очередь, уже заранее приспособлен к рабочему» [2, с. 391].

Базовой ячейкой общества являлась большая патримониальная семья, в которой глава семьи единолично руководил всей хозяйственной деятельностью, распоряжался семейным имуществом и, в случае необходимости, наказывал или поощрял своих близких. Патерналистские от-

ношения, генетически выросшие из семейных, пронизывали всю социальную иерархию и определяли особенности жизни на каждом её уровне. В подобных условиях каждый отдельно взятый человек выступал не как автономный и самостоятельный субъект, а как неотделимая часть замкнутого социума, которому он был подконтролен. Разумеется, это не означало, что личность насильно лишалась своей свободы. По мнению Э. Фромма, индивида как такового еще не существовало. Человек рассматривал себя исключительно сквозь призму своей общественной роли, но отнюдь не в качестве индивидуальной личности [3, с. 45]. Всю свою жизнь он проводил в рамках замкнутой социальной группы, которая обеспечивала его социальную защиту и одновременно регламентировала его поведение и связи с внешним миром.

Традиционное общество делилось на замкнутые, иерархически организованные страты, нередко вырождающиеся в эндогамные касты. Основная масса населения проживала в общинах, отношения в которых выстраивались на принципах коллективизма, солидарности и взаимопомощи. Локально разобщенные социальные структуры включали в себя различные образования, в рамках которых общественные отношения были ориентированы на родственные, земляческие и иные связи и носили непосредственно-личный характер. «Поскольку индивид, по существу, еще не выделился из органической наследственной группы, круга родства, большой семьи, патронимии, – пишет А. Я. Гуревич, – постольку происхождение детерминировало весь его образ жизни. Понятия «родовитость», «благородство», «чувство рода» было неотъемлемой и существенной стороной его самосознания» [4, с. 31]. Каждый отдельно взятый человек был «встроен» в определенную систему личных зависимостей и социальной иерархии. «Личность, – отмечал Э. Фромм, – отождествлялась с её ролью в обществе; это был крестьянин, ремесленник или рыцарь, но не индивид, который по своему выбору занимается тем или иным делом» [3, с. 44]. Поведение каждого человека рассматривалось в контексте его принадлежности к тому или иному коллективу и жестко регламентировалось установленными правилами, которые он не смел преступать. Будучи органичной частью такого порядка, человек рассматривал его как единственно возможный и правильный, дающий ему убежище и защиту.

После разрушения античной цивилизации, которая на ранних этапах своего развития обнаруживала сравнительно высокий внутренний

динамизм, в Европе утвердилось традиционное общество с его консервативной устойчивостью и циклическим характером развития. Считалось, что существующий порядок установлен богом, а потому неизменен. «Средневековый человек, – пишет французский историк Ж. Ле Гофф, – интересовался не тем, что движется, а тем, что неподвижно. Он искал покоя – *quies*. Напротив, всё то, что беспокойно, «искательно», казалось ему суетным... и немного дьявольским» [5, с. 190]. Подобный подход утверждал архаизм и рутину. Всякое нововведение считалось чудовищным грехом, ставившим под сомнение издавна установившийся порядок. В сфере материального производства безраздельно господствовали малоэффективные ручные орудия и примитивные механизмы, приводящие к низким урожаям и к скудным условиям бытовой жизни людей. Мотивация человеческого труда в решающей степени определялась христианской этикой: стремление избежать праздности, прямым путем ведущей к дьяволу; желание изнуряющим трудом искупить свой первородный грех; намерение смирить свою плоть и т.п.

В период средневековья на смену единой империи, обладающей широкими универсальными связями и интегрирующими началами, пришел партикулярный фрагментарный мир, который имел тенденцию постоянно распадаться на мельчайшие, обладающие почти полной самостоятельностью, атомы. В качестве таковых выступали не просто отдельные индивиды, а целые коллективы людей: родственные союзы, общины, коммуны, различные местные и региональные образования. Попытки собрать их воедино, предпринимаемые время от времени отдельными государями, имели лишь кратковременный успех. В основе выстроенных из таких атомов политических образований лежали не экономические взаимосвязи, а отношения силы, которые «перерабатывались» в различные формы социального порядка. Однако данный порядок всегда предполагал неравное право, «право сильного», при котором отсутствовали единые для всех правила и нормы. Вместо них устанавливались достаточно размытые иерархические отношения, базирующиеся на неравенстве взаимных обязательств, вассальном подчинении, покровительстве и служении. Каждому человеку раз и навсегда было уготовано строго определенное место и предписана определенная социальная позиция и роль.

К числу важнейших черт властно-административной организации феодального общества, которое окончательно утвердилось в Европе к IX в. следует отнести, во-первых, децентрализацию верховной власти,

при которой каждый отдельно взятый феодал являлся чуть ли не самостоятельным государством, а его держатель – рыцарь-феодал имел почти неограниченную власть на своей территории. Феодалная сеньория представляла собой как бы государство в государстве. Пределы суверенитета удельных правителей определялись реальной способностью центральной власти обеспечить их повиновение.

Во-вторых, соединение земельной собственности и политической власти. Земельная собственность порождала политическую власть, формировала пиетет и отношения личной зависимости. Монарх как высший собственник земли, сохраняя за собой небольшой домен, передавал остальную её часть в «держание» своим вассалам – высокопоставленным феодалам. Те, в свою очередь, опять же оставляя себе домен, передавали остальную землю своим зависимым людям – феодалам более низкого ранга. Последние также имели своих вассалов. Так складывалась цепь властной иерархии и личной зависимости. Каждый вассал подчинялся лишь тому сеньору, от которого он получал землю. Действовал принцип: «вассал моего вассала – не мой вассал».

В-третьих, договорной характер вассально-сеньориальных отношений. Договор заключался в форме присяги на личную верность между сеньором и вассалом. Он фиксировал взаимные права и обязанности сторон как самостоятельных, хотя и не равных по силе агентов. Держание земли порождало обязанность военной службы сеньору. Кроме того, вассал должен был выплачивать своему господину всякого рода «пособия», участвовать в заседаниях курии (совета), нести иные обязанности, предусмотренные договором. Сеньор же принимал на себя обязательство покровительствовать своему вассалу, в случае нападения оказывать ему военную помощь, выкупать из плена и т.п. Если вассал не выполнял принятых обязательств, сеньор отказывал ему в своей поддержке и мог применить по отношению к нему военную силу.

Подобный характер властных отношений средневекового общества, названный М. Вебером сословно-патримониальным типом господства, предопределил некоторые особенности организации управления. Так, при назначении на должность сеньор руководствовался не профессиональными качествами человека и служебной компетентностью, а его личной верностью и преданностью, дополняемых благородством происхождения. В качестве вознаграждения за службу должностные лица получали не регулярное денежное жалованье, а землю, которой они рас-

поряжались на правах бенефиция, т.е. пожизненного условного держания. Их личные качества и опыт оказывали решающее влияние на процесс и результаты управления. Каждый из них сам определял количество взимаемых с населения поборов, направляя определённую часть полученных денег, обычно строго фиксированную сумму, своему господину. Вместо закона господствовал приказ, который отдавался эпизодически и не предусматривал постоянных норм и правил. Произвол должностных лиц ограничивался лишь сложившимися обычаями. Ими же определялись и пределы повиновения управляемых.

Характерной особенностью средневекового общества, согласно М. Веберу, являлся традиционный тип господства, который обеспечивался с помощью «патримониальной бюрократии», сформировавшейся на основе патриархального управления большого домашнего хозяйства, принадлежащего правителю. Все его управленцы, в дальнейшем ставшими чиновниками, первоначально являлись его личными слугами и зависимыми людьми – рабами, клиентами, крепостными, домочадцами, друзьями, любимцами и т.п. Назначение на должность они воспринимали как величайшую милость со стороны своего господина. Любой член аппарата управления, начав свою службу как слуга своего господина, фактически оставался им и после назначения на должность. Будучи доверенными лицами правителя, чиновники пользовались его безусловным расположением, которое считалось их привилегиями, дарованными за верную службу. Отношения между правителем и чиновниками определялись не регламентами, а отношениями личной верности и преданности. Чиновники повиновались не законам, а личности правителя, освященной знатностью или сакральностью его происхождения.

В период средневековья в качестве вознаграждения за службу чиновники наделялись бенефицием, который давал им право либо на земельный участок, либо на получение некоторого количества зерна со склада своего господина, либо на определенные денежные выплаты. В ходе расширения контролируемой правителем территории и усложнения управленческих задач увеличивался и его административный аппарат. По мере возрастания численности чиновничества правитель из числа своих фаворитов назначал высших сановников, которые, пользуясь его доверием, возглавляли аппарат управления.

При патримониализме все административные полномочия принадлежали лично правителю, который, обладая абсолютной властью,

мог передавать отдельные её фрагменты своим чиновникам. Их назначение происходило от случая к случаю в связи с решением тех или иных вопросов и всецело зависело от личного расположения правителя. Четко определенной компетенции чиновников не существовало. В зависимости от пожеланий своего господина они могли выполнять самые разные функции: административные, полицейские, финансовые, судебные и др. А потому за официальными титулами и должностями могли скрываться самые разные обязанности. В условиях отсутствия постоянного разделения труда сфера компетенции чиновников зачастую определялась их личным соперничеством и борьбой за сферы влияния.

Не обладающие профессиональной подготовкой чиновники полагались исключительно на свой жизненный опыт и божественное провидение. Управление носило исключительно субъективный характер, на первый план в нём выдвигалась не бюрократическая «беспристрастность», а конкретная воля управленца, его личное отношение к данному просителю и к данному делу, что определялось неформальными связями и соответствующими подношениями. На всех уровнях власти господствовало личное усмотрение, которое в той или иной степени ограничивалось традициями и интересами правителя. Во многих случаях оно дополнялось произволом. Однако чинимый чиновниками произвол обычно являлся своеобразным отражением того произвола, который проявлял правитель в отношении их самих.

Несмотря на печать иррациональности «патримониальная бюрократия», согласно М. Веберу, могла иметь некоторые рациональные черты: иерархию, специальную подготовку, занятие должности на основе экзаменов (в Китае) и пр. Подобные рациональные начала в управлении обычно возникали и развивались в централизованных империях. Их результатом обычно являлось усиление централизации и концентрации власти, на основе которых возникали иерархически организованные государственно-территориальные образования с устойчивым социальным порядком. Особая роль в установлении таких порядков принадлежала патримониальной бюрократии, которая играла роль лишь простого механизма осуществления властной воли правителей. Последние противодействовали ее самостоятельности, формированию у неё корпоративного духа и проявлению собственных властных амбиций.

Библиографический список

1. Зомбарт, В. Современный капитализм: в 3 т. [Текст] / В. Зомбарт. Т. 1. – М.: Госиздат, – 462 с.

2. Маркс, К. Капитал. Критика политической экономии. Том первый. Книга I. Процесс воспроизводства капитала [Текст] / К. Маркс // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. Т. 23. – 908 с.

3. Фромм, Э. Бегство от свободы [Текст] / Э. Фромм. – М.: Прогресс, 1989. – 272 с.

4. Гуревич, А.Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства [Текст] / А.Я. Гуревич. – М.: Искусство, 1990. – 396 с.

5. Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада [Текст] / Ж. Ле Гофф. – М.: Издательская группа Прогресс; Прогресс-Академия, 1992. – 376 с.

Н.И. Тахиров

Южно-Уральский государственный
гуманитарно-педагогический университет (г. Челябинск)

СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД В МЕТОДОЛОГИИ ИСТОРИИ:

ТОТАЛЬНЫЙ ДЕТЕРМИНИЗМ КАК МОДЕЛЬ РЕКОНСТРУКЦИИ РЕАЛЬНОСТИ

Может казаться, что происходящее в истории отчасти случайно, отчасти результат чьего-то выбора. Этого вполне достаточно для объяснения происходящего, но реальное положение вещей при этом не открывается, это не дает ни возможности к прогнозированию, ни инструментов по влиянию на это. В свою очередь, метафизические конструкции к реальности нас также приближают мало, зачастую же и вовсе вовлекая в языковую игру. Есть ли выход? Думаю, да, если рассматривать только всё то, что происходит на самом деле вместе взятым.

Прежде всего, хочу отметить, что данный материал не претендует на оригинальность, поэтому не имеет значение говорил ли кто-то это до меня, поэтому использование ссылок представляется для данной работы целесообразным.

Основная задача заключается в создании первоначальной версии *нового методологического подхода*. Здесь намечены основные направления исследования, которые заслуживают дальнейшего отдельного рассмотрения. Все основные положения концепции и логика её использования будут рассмотрены в тексте и должны рассматриваться исходя из внутренне структуры данной модели.

Выделю несколько *проблем*, которые эта модель стремится преодолеть.